

Б Л И З О С Т Ъ

истории

о сильных

чувствах

О Л Л И С Е Р Ж

ДЕВОЧКА
СЕВЕРА

Москва
2024

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Серж, Олли.

С32 Девочка Севера / Олли Серж. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Близость. Истории о сильных чувствах).

ISBN 978-5-04-207878-1

Московская зима неприветлива, морозна и волшебна. Снежинки неторопливо кружились в танце и провожали Сою в новую жизнь. Она росла в интернате, но теперь, после 18-го дня рождения, девушка стала хозяйкой квартиры, которую получила в наследство. Только вот на пороге будущего дома ее почему-то встретил мужчина...

В тот вечер шутка судьбы переплела их дороги в одну, но куда она приведет?

УДК 821.161.1-993
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Олли Серж, текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-207878-1

— Ну точно «олененок», — хмыкаю, разглядывая ее испуганные глазищи.

— Раздевайся, бабки сразу дам, чтобы расслабиться было проще.

— Вы не поняли... — Она делает шаг назад и вжимается спиной в дверь. — Я не то, о чем вы подумали.

— Конечно. — Морщусь. — Я просил у Саида кого-то помоложе, но ты переигрываешь.

Делаю шаг к девчонке и втягиваю в легкие запах земляники с ее волос. Это неожиданно.

Она замерла и, кажется, совсем не дышит.

— Можно я пойду... — шепчет одними губами.

— Нет. — Чувствуя, как меня накрывает возбуждение, впиваюсь в ее губы поцелуем. — Я не разрешаю.

Глава 1. КУТУЗОВСКИЙ

Соня

— Соня, ты документы не забыла? — простуженно сипит моя трубка.

— Нет, мам Люб, все в порядке!

Переполненная битком маршрутка выплевывает меня на улицу, оставляя себе шарф.

— Эй! — забыв про телефон, кричу я водителю. — Дверь откройте!

Шарф падает прямо в грязное придорожное месиво. Черт! Теперь вся эта химия его точно разъест, уж если сапоги белым налетом покрываются. А я его месяц вязала...

— Соня! — кашляет трубка. — Что у тебя там происходит? Ты на Кутузовский приехала?

— Да, да, — отзываюсь в трубку. — Мам Люб, вы не волнуйтесь. Лечитесь спокойно. Я же не ребенок.

— Да как же не ребенок, — она вздыхает, — нужно было таблеток напиться и с тобой поехать. Город плохо знаешь...

— Я вам перезвоню и все-все расскажу, — клятвенно заверяю женщину.

Телефон, пискнув, сообщает мне, что батарея разряжена.

— Блин! — Я зажимаю все кнопки одновременно, пытаюсь его перезагрузить. — Ну, давай же... — Смотрю на потухший экран и понимаю, что осталась теперь без связи.

Отмечаю у себя в голове еще одно новогоднее желание — самый крутой телефон. Нужно только этот год хорошо закрыть на сессии, а со второго курса декан обещал свободное посещение дать и работу за практику засчитывать.

Раньше сиротам не положено. Иначе официально можно всех бонусов лишиться.

Хорошо, что у меня, точнее у нас, есть бдительная «мама Люба». Без нее все наши девчонки так и учились бы на поваров и парикмахеров, а мальчишки уходили б в армию или шли на механиков. Конечно, помочь не всем интернатовцам удастся. Большинство, как выходят за стены заведения, возвращаются туда, откуда пришли...

«Как волчата... — в таких случаях тяжело вздыхает мама Люба. — Сколько ни ласкай, ни корми, все равно в лес смотрят...»

Поэтому я стараюсь не только для себя. Еще и для нее. Зачеты закрыла автоматами, остались только экзамены. Но это уже после Нового года.

А еще я мечтаю, как встречу Новый год в своей квартире. Как поставлю елку, нарежу себе салат и буду смотреть всю ночь салют.

Я подготовилась. Кое-что удалось заработать на курсовых. Еще хорошо было бы купить маме Любе и Олесе подарки...

Но на крайний случай куплю только маме Любе, а Олесе напишу курсовую. Она давно меня упрасивает.

Снежинки мягко падают хлопьями в свете горящего фонаря. Это так завораживает, что я остаиваюсь, поднимаю лицо и чувствую, как они меня целуют, тая на щеках.

Запускаю руку в карман и проверяю ключи. Нужно идти, потому что неизвестно, в каком состоянии находится квартира. Нет, я понимаю, что за ней следили, с документами все в порядке, но там почти пять лет никто не жил... Бабушка была вредным человеком. Мама говорила, что это из-за нее она так рано меня родила и от абы кого...

Резкий порыв ветра из арки дома пронизывает меня до костей и бьет в лицо колючими ледышками. Хочется использовать это как повод пустить слезу, но плакать у нас не принято.

И мама Люба говорит, что нужно учиться прощать. Прощение — это свобода делать выбор жизненного пути с нуля. Нужно представить, что ты в роду первый и только от тебя теперь зависит, насколько хорошо будет твоим детям.

Конечно, своих я пока не планирую, а вот чужих люблю. На педагогическом мне нравится учиться, хотя по-настоящему всю свою группу я увидела первый раз только неделю назад, когда началась сессия.

Постоянно посещают пары всего десять человек из пятидесяти. Мы с Оксаной, хотя она тоже умудряется регулярно прогуливать, две взрос-

лые женщины из коммерции, три девочки после православной гимназии и трое ребят, которые на парах играют в компьютерные игры.

Как-то пока ни с кем отношения у меня не заладились, а у Оксаны в общежитии очень серьезный комендант. Посторонних не пускает категорически, пройти можно только тайком.

Я иногда ей завидую. Но так, по-доброму, потому что понимаю, что каждому — свое. А мне особенно сильно жаловаться не на что. Вот Оксана приходится в общежитии жить, а у меня своя квартира.

Иметь свой угол, в котором все вещи лежат так, как ты положила, когда уходила. Никто не взял попользоваться дезодорант или резинку для волос, расческу...

Нет, мне не жалко, просто понятие личного пространства — большая тема для тех людей, которым когда-то приходилось иметь только кровать и тумбочку в общей спальне.

Я была в гостях у бабушки всего несколько раз и единственное, что помню, — ее дом был очень красивый. С окнами необычной закругленной сверху формы и высокими потолками, в которые хотелось погромче покричать и проверить эхо.

Скольжу взглядом по заснеженным лавочкам и бетонному козырьку подъезда с причудливыми украшениями. Мне нравится! Мне уже заранее все здесь нравится.

Дверь подъезда открывается, выпуская на улицу женщину с санками и маленьким, закутанным по самые глаза в комбинезон малышом.

Помогаю им спуститься по ступенькам и захожу в подъезд.

Так, нужен пятый этаж.

Нажимаю кнопку лифта и зажимаю глаза. Внутри меня все вибрирует от нетерпения.

Двери с шумом открываются, и я выхожу на лестничную площадку.

Квартира пятнадцать. Хм... Все без номеров. Меня сразу немного смущает массивная входная дверь. Но бабушка маниакально боялась воров, поэтому... может, поменяла.

Нащупываю пальцами в кармане холодный металл и достаю ключи. Вставляю в нижнюю замочную скважину и пытаюсь сделать оборот. Нет... растеряно смотрю на ладонь. Не подходит. И назад не идет!

В квартире происходит какое-то движение, и дверь неожиданно распаивается.

— На месте подгон твой уже, — зажимая плечом телефон, мужчина делает мне жест, чтобы заходила.

Делаю шаг. Дверь сквозняком захлопывается за моей спиной, заставляя сделать еще один шаг от порога.

— Давай, пока.

Мужчина поворачивается ко мне, и теперь я могу рассмотреть не только его внушительной ширины плечи и темную макушку с коротким «ежиком», но и лицо.

Я его знаю. Это Сергей Северов. Тот, на чьи деньги куплены все мои вещи. И... таким я вижу его однозначно первый раз. Обычно хмурый

и строгий в своем черном костюме, сейчас он стоит передо мной в одних джинсах, босиком, и... в квартире определенно пахнет алкоголем.

— Здравствуйте... — Не соображая, что происходит, я смотрю на него во все глаза и только сейчас понимаю, почему все наши работницы интерната моложе сорока воспринимали его приезд как праздник. Раньше я думала, что это ради нас и из уважения к нему, но теперь вижу, что нет.

Просто каждая мечтала привлечь его внимание.

Потому что... он красив. Аж до мурашек. Я стараюсь не смотреть на его голое тело, но взгляд упорно падает на кубики пресса... на пупок, на красивый кожаный ремень.

«Соня, подними глаза!» — чувствуя, как рдеют щеки, приказываю я себе.

От смущения и духоты я почти не помню, зачем здесь оказалась. Чтобы стало хоть немного легче, стягиваю с головы шапку и зажимаю ее в кулак.

Этаж! Я, наверное, перепутала этаж!

— Ой... — Поднимая глаза к его лицу, натякуюсь на циничную ухмылку и пристальный взгляд.

— Ну привет... — Откровенно оценивая меня, он делает шаг вперед.

Глава 2. ОЛЕНЕНОК

Сергей

Сизый дым заполняет комнату и клубится под потолком. Никотиновая горечь во рту сменяется вкусом карамели и специй.

Вообще, я уже полгода как бросил, но сейчас сорвало. Текст документов плывет перед глазами.

Я не могу вчитаться в экспертизу по камням, постоянно возвращаясь мыслями к бывшей жене.

«Кто ей дал такое право? — Психуя, одним движением сметаю бумаги на пол. — Как вообще так вышло?»

Телефон на столе вибрирует вызовом.

— Алло. — Подношу к уху, даже не взглянув на экран.

— Сергей Валентинович, — в трубке пищит растерянный голос секретарши. — Пробирная всю последнюю партию украшений назад завернула, сказала, что вы им какой-то отчет об антитеррористических мероприятиях должны... Они же завтра последний день работают...

— Твою мать. — Тру переносицу пальцами и пытаюсь включить поплывшие мозги. — Алексею Александровичу позвони. Скажи, что заболел я.

— А вы заболели? — спрашивает с участием. — Может быть, купить что-то? Вы только выздоравливайте, все расстроится, если корпоратив пропустите...

От ее щебетания у меня начинает кружиться голова, и я просто сбрасываю звонок.

Бесит! Сегодня меня бесит все!

Значит, кто-то решил мне еще и продажи подпортить. Вот только не мне они продажи испортили, идиоты, а людям уважаемым напакостили.

Я в дрова. Допиваю остатки горючей жидкости из бутылки и съезжаю в кресле, прикрывая глаза.

Ну, давай, Саид! Где там твоя «невинная и непорочная душа»? Или она тоже потерялась? До меня почему-то уже все доходят испорченными.

Где-то же существует этот вымирающий вид нормальных баб, которые умеют варить борщ, отличать посудомоечную машину от стиральной и в состоянии контролировать свою голову, чтобы не творить отборную хрень? Разве у меня завышенные требования?

Ах да, еще желательно рожать моих детей! Сука!

И теперь эта дрянь еще куда-то испарилась. Но ничего, заблокированные кредитки быстро обозначат местонахождение.

Телефон снова вибрирует в моей руке.

— Скоро будет твоя «фея», — ерничает Саид. — Я бы сам ее, честно говоря, но раз другу нужнее...

— А не пошел бы ты на хрен, — отзываюсь без обиняков и чувствую, как мой язык путает буквы.

— Ладно, ладно... Разводиться будешь?

— Уже, — выдыхаю. — Или ты думаешь, я ищу Лору, чтобы в глаза посмотреть? Нет. Исключительно чтобы забрать ключи от дома и вручить «сертификат» о том, что она свободная и нищая. Я подозреваю, что в первый раз она тоже ребенка не теряла.

— Жопа какая-то... — вздыхает Саид.

— Погоди, — прерываю я его. — В дверь кто-то скребется.

Выхожу в коридор и поворачиваю замок.

На пороге девушка. Молодая, розовощекая с мороза.

— На месте подгон твой уже, — говорю другу в трубку и делаю девчонке жест, чтобы заходила.

— Правда, хороша? — довольно тянет Саид. — Почти что «Бэмби», и что самое вкусное — куча умелок с хирургически восстановленной девственностью. *Von appétit!*¹

— Давай, пока, — отзываюсь скептически и поворачиваюсь лицом к своей гостье.

Девчонка совсем. Красивая, да. Кожа чистая, фарфоровая, шикарная копна русых волос, губки припухшие...

Зачем ей эта грязь? Любого ж нормального мужика можно с такой внешностью взять. Но жажда бабок, она такая...

— Здравствуйте... — выдыхает, распахивая еще сильнее свои глазищи.

По спине пробегает дрожь. Как ни крути, но вставляет мне определенно эта игра.

— Ой... — Стягивает с головы шапку, и в ее волосах золотом вспыхивает свет.

¹ Приятного аппетита!

О-о-о... что я несу? Ну не на столько же я пьян.

— Ну привет, — киваю девчонке и делаю шаг вперед.

Она дергает замок пуховика вниз, оголяя шею, и хватается ртом воздух.

Все правильно, детка. Знакомство затянулось, я тебе поверил. Пора снять одежду.

— Ну точно «олененок», — хмыкаю. — Раздевайся, бабки сразу дам, чтобы расслабиться было проще.

Хотя я уверен, что Саид ей уже заплатил.

— Вы не так поняли... — Девочка делает шаг назад и вжимается спиной в дверь. — Я не то, о чем вы подумали...

— Конечно. — Морщусь, потому что тупость начинает раздражать. — Я просил у Саида кого-то помоложе, но ты переигрываешь.

Подхожу к девушке совсем близко и втягиваю в легкие запах земляники с ее волос. Это неожиданно. Казалось бы, такая мелочь...

Девчонка замерла и, кажется, совсем не дышит.

— Можно я пойду?.. — шепчет одними губами.

— Нет. — Чувствуя, как меня накрывает возбуждение, перехватываю ее лицо пальцами за подбородок и впиваюсь в губы коротким поцелуем. — Я не разрешаю.

Она шокированно выдыхает.

Не знаю почему, но ее молчаливое сопротивление и безучастие будят во мне животные инстинкты «сломать» и «присвоить».

Дергаю замок ее пуховика вниз и снимаю с рук рукава.